

C $\frac{61}{192}$

**ОБЪ ИСТОЧНИКЪ
НАРОДНОЙ ПОЭЗИ ВООБЩЕ,
И
О ЮЖНО-РУССКОЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.**

НАБРОСАНО

ЮРИЕМЪ ВЕНЕЛИНЫМЪ.

Отд. II. № 415.

**МОСКВА.
1834.**

С $\frac{61}{192}$

**ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ
И
ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.**

Отд. II. № 415.

126 ЧИМ. Мех. одузембо
Мемориум и Общественной Пор.
чинской — отъ Мб. Коммисс.

№ 415.

20 197
H

**ОБЪ ИСТОЧНИКЪ
НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВООБЩЕ,
И
О ЮЖНО-РУССКОЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.**

НАБРОСАНО

ЮРИЕМЪ ВЕНЕЛИНЫМЪ.

**МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
1834.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чпобы по оппечатаніи предспавлены бы-
ли въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва.
Августа 17 дня, 1834 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

УКРАИНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ, ИЗДАННЫЯ МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ. Часть I. Москва. 1894.
(8). 180.

Спашья I.

Эта первая часть Украинскихъ пѣсенъ подраздѣлена на три книги, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ *Украинскія Думы*, вторая пѣсни *Козацкія былевья*, третья *Козацкія бытовья*.

- Дума 1. О Федорѣ Безродномъ. Ошнос. къ 1576 г.
- Дума 2. Побѣгъ шрехъ брашневъ изъ Азова.
- Дума 3. Черноморская буря.
- Дума 4. Возспаніе Наливайки. Ошн. къ 1596.
- Дума 5. Походъ на Поляковъ. Къ 1637.
- Дума 6. О Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ.

- Дума 7. О походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію, въ 1649.
Дума 8. О смерти Богдана Хмѣльницкаго 1657.
Дума 9. Объ Иванѣ Коновченкѣ, къ 1684 г.
Дума 10. О Палѣ и Мазепѣ.
Дума 11. Опѣздѣ Козака.
Дума 12. Тоска сестры по братѣ.

Во второй книгѣ помѣщены пѣсни: о *Свиговскомѣ, Морозенкѣ, Богданкѣ, Серпягѣ, Бугославицѣ, Наливайкѣ, Лободѣ, Саввѣ Чаломѣ, Чураю, Хмѣльницкомѣ, Негаѣ, Кривоносі, Грицкѣ Сагайдачномѣ, Козакѣ Байдѣ, Гордѣенкѣ, Мазепѣ, О выходѣ на линію въ 1761 г. О Палѣ, Жадченкѣ, О Пикинерахѣ, О Харькѣ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ и Котовицѣ; Галка, Пугачѣ; о Сербинѣ и проч. всего 50 пѣсень.*

Въ третьей книгѣ помѣщено *бытовыхъ пѣсень 51: изъ числа коихъ 25 Войсковыхъ, 15 Бурлацкихъ, 2 Гайдамацкихъ, а остальные Чумацкія.* — Итого во всей 1 часпи помѣщено 113 спавей (pièces).

Такъ какъ Думы и Пѣсни, заключающіяся въ эпой первой часпи, суть историческія, то Издатель ко всякой присовокупилъ Крапкое Историческое извѣстіе; сверхъ эпого ко многимъ думамъ приложилъ и ихъ переводъ; а въ выносахъ объясняетъ всякое слово непонятное для Сѣверянина.

Не лѣзя перелистывать эпой книги безъ истиннаго удовольствія: не лѣзя писать на нее и

криптики; текспъ спарины священнѣй, неупрекаемый, какъ завѣщательный вопль и вздохъ умирающаго спрадалца. Не лъзя упрекнуть Издапеля и въ его лексикографическихъ объясненіяхъ. Можепъ быпъ шолько въ испорическихъ замѣчаніяхъ иное должно было сказать опредѣлительнѣе; такъ напр. спр. 20. сказано, что » *Бльгородциною* называлась Тапарская спорона между Днѣвромъ и Днѣспромъ. « Спрана эпна называлась, начиная съ Воьныи, *Подольельмъ*; Подолье проспиралось до самаго Чернаго моря. Херсонская и Екаперинославская Губерніи были прежде однѣ спени, соспавлявшія псапръ *впъной войны* между Козаками и Тапарами; посему эпну спрану можно было назвать на равномъ основаніи и *Козаккою*. Запорожцы жили ниже пороговъ, большею частію по ппу спорону Днѣвра. По сію спорону рѣки къ Азовскому морю кочевала небольшая (Ногайская) Орда, въ полу-зависимости опъ Крымской; но эпна Орда не называлась *Бльгородциною*. Между нынѣшней Одессою, Николаевымъ и Днѣспромъ, кочевала *Етисынская* п. е. *Семитысящная* орда, въ полузависимости, по опъ Крымцевъ, по опъ Бендерскихъ Пашей. Между эпою Ордою и Запорожцами—мѣста, даже и прибрежныя къ морю, были совершенно пуспы, будучи мѣспомъ побойца въ Русскихъ и Тапарскихъ наѣздахъ. Такъ какъ берега были опкрыпы. За-

порожцамъ, а Орды не были въ состояніи удержать ихъ отъ морскихъ покушеній, по Турецкое Правительство принуждено было на собственномъ иждивеніи охранять Днѣпровскій Лиманъ и морскіе берега по устью Днѣпра. Важнѣе Орда кочевала за Днѣпромъ, между Бѣлгородомъ (Аккерманомъ) и Измаиломъ, по пакъ называемому *Буджаку*; копорый, не знаю почему, иностраницы спали было называють *Бессарабіей*, Поляки *Будзіземель*, а Козаки, и вообще южная Русь, *Бѣлгородщиной*.

Самые злые и хищные были Тапары Бѣлгородской или Буджакской Орды: ея же опрасль была *Семитысящная*. Бендерская и Бѣлгородская крѣпости, подъ управленіемъ Турецкихъ Пашей, были важнѣйшимъ прикрѣпленіемъ для энихъ двухъ Орды. Бѣлгородская Орда не признавала власпи надъ собою великой Крымской Орды, а только старшинство. Она, по предписанію Порты, или Крымскаго Хана, выступала въ Молдавію, Валахію и Венгрію: въ области *Литво-Ляхо-Русской Рѣчи Посполитой* (Польши) она дѣлала *загоны* (пакъ называла южная Русь Тапарскіе наѣзды) или независимо отъ Крымскаго Хана, или вмѣстѣ съ Крымцами. Обыкновенно выходила Бѣлгородская Орда на *загонъ* по нынѣшней Бессарабіи; тогда жипели бросали жилища свои и удалялись въ *Великую Кодру* или непроходимые лѣса, плянувшіеся по

среди́нь эпо́й обла́спи. Пони́же *Тигина* (по Ту-рецьки *Бендеръ*) переправившисьъ чрезъ Днѣспръ на Подолье, входили въ огромную *Кибѣрганскую долину*, ведущую отъ Днѣспра къ городу Балтѣ Подольской губерніи. Тамъ соединялась она съ Крымцами для дальнѣйшихъ движеній. Таки́мъ образомъ нерѣдко съ проливуположныхъ споронъ, изъ за-двухъ рѣкъ Днѣспра и Днѣпра соби́ралось до 60,000 наѣзднической конницы, ко́порая обыкно́венно уводи́ла въ неволю вся́кій разъ отъ 15, до 20,000 Ю́жной-Руси изъ Буковины, Красной Руси (Галиціи), Подолья, Во-лыни и Кіевской обла́спи. Сообразно съ мѣспс-положеніемъ э́пихъ Орды, ильннюю Русь уводи́ли двоякимъ пу́темъ: въ Кафѣ Крымцы продавали еѣ Туркамъ, и отпра́вляли въ Турцію и Анаполію моремъ; а Бѣлгородская проводила чрезъ Днѣспръ къ Измаилу и Бабадагу за Ду-най. Бабадагъ былъ шоржищемъ Русскими не-вольниками. Г. Мясновскій, бывшій Послани-комъ Польскимъ въ Цареградъ въ 1641 году, изъ вѣрныхъ испочниковъ освѣдомился, что по одной Европейской Турціи въ его время нахо-дилось въ разныхъ мѣспахъ болѣе 150,000 Ю́жно-Русскихъ невольниковъ. Флотъ Турец-кій, болѣею часпью соспоявшій изъ галеръ и гребныхъ судовъ, заваленъ былъ невольника-ми; очевидцы говорятъ, что дѣпища Руси бы-ли прикованы къ весламъ по 24 человека съ

обѣихъ споронъ. Эпихъ-шо людей послѣ вѣ-
зили на убой въ кровопролитную Кандійскую вой-
ну съ Венеціанами.

Вопь что значить *Бѣлогородщина!* на ко-
порую Козаки, преимущеспвенно Запорожскіе,
скалили зубы. Эпа горсть людей не одну пы-
сячу душъ Хрисціанскихъ вырывала изъ рукъ
Тапаръ, на обрапномъ ихъ пули въ Крымъ и
Бѣлогородщину. Ни на какой почкѣ Општоманскій
колосъ не изрыгаль огня пакъ поспоянно и
жеспоко, какъ со спороны Крыма и Бѣлаго-
рода; ни въ какой странѣ Европы не было споль
постоянной перепалки, какъ по Екаперинослав-
скимъ и Херсонскимъ степямъ. Исторія Коза-
ковъ *есть 500-лѣтняя постоянная перестрѣл-
ка* съ полчищами Тамерлана и Великаго Али-
Османа. Было время, когда Нѣмецкіе Импера-
торы опкупали миръ у Султана ежегодною
подапью наравнѣ съ Господарями Молдавскимъ,
Волошскимъ и Трансильванскимъ, или какъ Ве-
неціане и Генуэзцы унизипельными подарками
искали благосклонности Визирей; было время,
что брапъ Сонца и Луны грозиль всему За-
падному Хрисціанспву, что въ Римѣ велипъ
накормить своего коня съ алтаря св. Пепра,
когда Европейскія великія державы соспавляли
благочеспивые союзы проптивъ Општоманства и
когда Маршынъ Люперъ, глава новаго вѣроис-
повѣданія между Тевпонскими племенами, про-

повѣдывалъ, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, новые Крестовые походы, тогда эта одна горсть Запорожской Вольницы приводила въ шрепетъ Спамбуль и его мощныхъ брашневъ Луны и Солнца. Не одна Козацкая голова слепѣла съ плечъ у ворошь Сераля; но это не было урокомъ для Козаковъ, которые никогда не знали ни мира, ни перемирія.

Трудно, весьма трудно выразишь вкращѣ значеніе слова *Козакъ*, преимущественно *Козакъ Запорожець*. Морякъ, сапёръ, кавалеристъ, пѣхотинецъ—все вмѣстѣ. Будучи бѣглецомъ изъ опечесства, онъ не имѣлъ опечесства; не смотря на это служилъ ему вѣрнымъ передовымъ стрѣлкомъ, поспояннымъ спражемъ, оберегателемъ. Если впереди находился у него огонь, то сзади была за нимъ погоня. Не спану здѣсь припоминашь бывшія отношенія Южнаго Русака къ своему опечесству. Вдругъ спали оглашались по всей Южной Руси отъ Вислы по Днѣпровскіе пороги звуки Польскіе, Лапинскіе и Жидовскіе. Между тѣмъ какъ Сѣверная Русь подверглась Тапарскому нашествію, Южная спраннымъ образомъ испытала *тройное нашествіе* Поляковъ, Іезуитовъ и Жидовъ безъ всякой войны, безъ кровопролитія! Это показываетъ, что могутъ бытъ и *мирныя* нашествия.

Если вѣра на землѣ соспавляетъ единспвенное и самое поспоянное утѣшеніе для человѣка, то что оспавалось дѣлать Южанину, который

въ собственномъ своемъ опечесивѣ очутился крѣпоснымъ иноязычникомъ, который лишень былъ всѣхъ правъ попому полько, что былъ *Русинъ*, который изнемогалъ подѣ *всевладѣющею* монополією *Шляхшы* и *вседѣйствующею* *Жидковъ*, который наконецъ былъ преслѣдуемъ за вѣру, что оспавалось, повпорю, ему дѣлать, какъ не бѣжаль, бѣжаль подѣ *выспрѣлы* *Татарскіе*, на явную опасносць быть схваченнымъ и увлеченнымъ въ неволю.

Много ли радостей представлялось Южанину на землѣ, между *Сциллой* и *Харибдою*? У одного увлекли мать, у другаго сеспру, брата, у претьяго невѣсту, или *Паны* или *Татары*. (Извѣстно, что десятилѣпная война *Козацкая* и освобожденіе *Украины* началось похищеніемъ любимой жены у *Богдана Хмельницкаго*). Тогда съ опчаяніемъ, съ омертвѣніемъ въ сердцѣ, для котораго нѣтъ болѣе никакой радости земной, *Южные Русаки* бросались въ *Запорожье*. Тамъ они опказывались опъ *услажденій* *домовипоспи*, *семеиноспи*, опъ *сладоспиной* *опрады*, *внушаемой* *любовью* (они не женились), опъ *роскошной* жизни. Такъ образовались эли *рыцари мести* и *смерти*.

Давленіе съ двухъ споронъ подвигало *Украинцевъ* на покушенія, за которые они расплачивались головою. Какого же роду могла быть *дума* или *пѣсня* *Украинца*?

Птицы поютъ весеннею порою опть пого, что весенняя пора для птицъ естъ *пора любви*: голуби полько любясь воркуютъ, олени перерываються и проч. Равно и человѣческому пѣнію испочинкъ естъ *любовь*. Конечно, мы поемъ и не будучи влюблены, но если запоемъ, то это бываетъ полько во время любовнаго расположенія души нашей. Никакая другая спрасъ не располагаетъ насъ къ пѣнію; пѣть, не смолря на то, что содержаніе пѣсни можетъ быть и не любовное.

Если любовное движеніе сердца заспавляетъ пѣть, то и на оборотъ пѣніе располагаетъ къ любви: иногда послѣ пропѣпой пѣсенки невольно оглянеться, ища *ее* глазами. Мы поемъ преимущественно весеннею порою нашей жизни. Если дѣвица поетъ, это значитъ, что ея сердце пусто, что душа ея ищетъ любимаго предмета, коимъ бы наполнилъ эту пустоту. Пѣснь юноши, пѣснь дѣвицы естъ *вызовъ*, *окликъ* къ желаемому предмету, какъ вой колдуна естъ *вызовъ* вѣдьмъ и духовъ. Ревностъ, опсупствіе любимаго, производитъ полу-унылыя мелодіи. Юный возрастъ любитъ пѣсни веселья, ирривья, беззаботныя; дѣвушка двадцати лѣтъ уже предпочипаетъ мелодіи унылыя: душа ея, занятая ожиданіемъ, пронутая неявленіемъ суженаго, *накликаетъ любовь* умильными полупонами.

Ожиданіе естъ инстинктъ женскаго пола; и первая ухватка дѣвушекъ естъ *поселяться у окошка* (что рѣдко дѣлають мальчики). Съ сожалѣніемъ смопритъ дѣвушка на скоропечность лучшихъ лѣтъ своихъ; окликъ души ея смѣшанъ уже съ жалобою и вздохами, а нерѣдко и пайными слезами. Тише, унылѣе опитѣваетъ свои годы зрѣлая дѣва; пѣснь ея уже не пѣснь, а воспоминапельная дума. Наконецъ, когда, осеннею порою жизни, ослабѣють въ ней лучи жизненной теплоты, когда пожелтѣть и поблѣкъ цвѣтъ ланитъ ея, и памъ и сямъ, подобно первымъ снѣжнымъ хлопкамъ приближающейся зимы, проскакивають сѣдины, тогда дѣвушка *перестала пѣть*, т. е. кончила свое дѣвическое паприще и, подобно ласточкѣ или соловью, задумывается о переселеніи въ ту дальнюю спорону, *гдѣ пѣтъ пегали, ни воздыханія*.

Супруги, коихъ сердце уже сочепалось, а болѣе мапери, перестаютъ пѣть, или рѣдко поютъ произвольно, по очень еспественной причинѣ. Старики, только оживленные виномъ рѣшаются иногда пропѣть что-нибудь; старикъ рѣдко любитъ пѣть веселую пѣсню; онъ чаще сбивается на воспоминапельную, копорая всегда почти бываетъ болѣе или менѣе унывная. Удивительно до какой степени любовныя движенія сердца имѣють вліяніе на голосъ, вооб-

ще. При волненіи груди, мышцы, облегающія органъ голоса, по мѣрѣ раздраженія нервовъ, могутъ суживать или расширять органъ; такъ въ минупу движенія ревности, печали предъ разлукою, сожалѣнія о невольномъ оскорбленіи любимаго лица и проч. до того упончается голосъ женщины, что походитъ на тихій ппичій пискъ. Влюбчивыя дѣвочки, п. е. способныя къ сильной привязанности, по нервной раздражимельности, сбиваются на *фальшивыя тоны*. Я имѣлъ случай замѣтить, что одна дѣвица, будучи одна въ комнапѣ, пропѣла пѣсню довольно правильно, и въ поей пѣсни, въ присупствіи любимаго ею лица, голосъ ея былъ слабѣе и нѣсколько фальшивыхъ тоновъ. Какъ физиологъ, это явленіе объясняю себѣ тѣмъ, что въ душевномъ волненіи, при сильномъ раздраженіи нервовъ, дѣйствіе горпанныхъ мышцъ бываетъ въ безпорядкѣ или конвульсивное. Сочувствіе между сердцемъ и горпанными мышцами, управляющими интонаціею человѣческаго звука, споль сильно, что иногда сильнымъ сжатіемъ вовсе задушаетъ голосъ; тогда говоримъ: *задышается*.

Пѣсня не выражаетъ никакой другой спраспи, кромѣ любви; любовь есть нѣчто опдѣльное, особенное опъ всѣхъ другихъ спраспей. Гнѣвъ, радость, спрахъ, печаль опъ частныхъ обспопельствъ суть спраспи кратковременныя,

мимолетныя: для выраженія ихъ даспапочна *декламація* или *гтеніе*. Любовь, на обороптъ; гориптъ въ насъ непогасимо цѣлую жизнь; ибо хопя и переспаемъ пѣтъ о земныхъ радоспахъ, перешедши за 45 лѣтъ, однако непереспаемъ въ храмахъ пѣтъ Творцу *любовь* нашу къ Нему: и мущина и женщина, на закаптъ дней своихъ, охопно и предпочпипельно соглашаюпся пѣтъ гимнъ Богу. *Пойте, пойте Господеви*. Любовь есптъ неугасаемый огонь во всю жизнь; горѣніе его есптъ эмблемма возраста; загараясь въ первомъ возрастѣ, онъ бываетъ багровый подобно ланипамъ юной дѣвы; во впоромѣ, онъ принимаептъ видъ всепожирающей, изрыгая и дымъ и смрадъ, и прескъ и волненіе; эпто періодъ всесожженія, очищенія сердца человѣческаго, періодъ спраданія и опыта. А памъ наконецъ въ препьемъ, пламя любви поспепенно очищаясь и яснѣя, на закаптъ дней превращается въ бѣло-ясное, ярко-пихое, немерцающее свѣпшло. Хопя и правда, чпо у спариковъ поспепенно попухаюптъ всѣ спраспи, но одна напроптивъ возгарается; эпто именно есптъ *любовь*, любовь къ Нему. Эпта спрасптъ у спариковъ невыказывается наружу вся по еспеспвенному спарикамъ спокойспвію духа: но сколько разъ случилось подмѣпиптъ у сѣдовласыхъ спариковъ и спарушекъ испинную *тоску по Богъ*. Если въ цвѣпущемъ соспоянїи человѣкъ и женщина

представляють нѣчто изящное, милое, по видѣ старости имѣетъ что-то высокое, божественное. Такимъ образомъ любовь, зародившаяся посреди цвѣтловъ и радостей, оканчивается, испекаетъ обратно на лоно *Божіе*, общій источникъ любви! Такъ исполняется надъ нами слѣдующее: *воздадите мѣрская мѣрови, а яже Божія Богу.*

Любовь есть исключительный источникъ всякаго пѣнія. Вообще пѣсни можно раздѣлить на два разряда: на *Явно-любовныя*, въ копорыхъ открыто воспѣвается любовь, или любовныя отношенія, и *тайно-любовныя*, въ копорыхъ воспѣваются разные эпизоды изъ любви или жизни. Приходитъ пора, когда юная дѣва задумывается, избѣгаетъ общесва, не спитъ—все это сама не зная почему. Она составитъ пѣсенку, въ копорой выразитъ неопредѣленно свою скуку и разочарованіе ко всѣмъ и ко всему. Конечно такую пѣсню не лзя назвать любовною, не смотря на то смыслъ ея любовный, ибо вся пѣсня тайно означаетъ: *скугаю безъ него*; и тогда *все* и *всѣ* виноваты, что онъ не является.

Въ болѣе зрѣлыя лѣта рождаются уныніе, взглядъ на прошедшее, сожалѣніе о протекшей цвѣтущей жизни, жалобы на людей, на вещи, на быспрому лѣтъ, и наконецъ на *судьбу*, общее

средопочіе всѣхъ жалобъ. Это расположеніе раждаешъ Элегіи, или жалобныя пѣсни.

Въ примѣненіе къ эпому, должно замѣпить, что въ последнее двадцатилѣтіе ни въ одной Европейской липературѣ не являлось столько жалобныхъ стихопвореній, какъ въ Русской. Это неопровержимая истина. Возмешь, прочтешь иное Стихопвореніе, плачь да и полько: хопя о любви ни слова, но смыслъ прямой: *Охъ годы годы, захгль вы улетаеи, погодите батюшки, я ее не любилъ, я еще не былъ любимымъ, я еще не былъ счастливымъ, я еще не жилъ!* Это уныніе можно замѣпить и въ лучшихъ даже стихопвореніяхъ. Причины эпому не нужно объяснять. Онъ происпекаюиъ изъ взаимнаго опношенія въ общеспвѣ обоихъ юныхъ Русскихъ половъ. Люди бывалые и умные замѣпяиъ, что въ эпомъ опношении еспъ довольно чувствительная разница между юношеспвомъ Русскимъ и Польскимъ, Нѣмецкимъ, Венгерскимъ, Французскимъ, Англійскимъ и проч.

Это я привелъ для того только, чтобы показать, что пѣсни народныя соспавляюиъ живой аккордъ съ общеспвеннымъ соспояніемъ народа.

Но обратимся къ Украинскимъ пѣснямъ Г. Максимовича. Теперь прошу сообразить, что такое должна быть пѣсня Козака, пѣсня Коза-

чки, Украинца, Украинки, однимъ словомъ пѣсня Южнаго Русака. Любопытнымъ совѣтую взглянуть въ книгу Г. Максимовича. Свое мнѣніе о пѣснопѣніи Южной Руси, а равно и о Южно-Русскомъ правописаніи, постараюсь изложить въ другое время. А пока опъ имени всѣхъ любителей пѣснопѣнія искренно благодаримъ Г. Максимовича за изданіе *Думъ и Пѣсень Южно-Русскихъ*.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать дозволяется. Москва, Августа 17 дня, 1834 года.

Цензоръ А. Болдыревъ.

МАЛО-РУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Спашья II.

Въ предшествовающей спашья говорено было вообще объ источникѣ всякаго пѣснопѣнія, говорено было о пѣхъ житейскихъ обстоятель-ствахъ, кои въ своихъ отношеніяхъ къ полу и возрасту, наспроиваютъ душу чловѣка на попь попь и его аккордъ, который есть отличительною черпою въ пѣснопѣнии какого ли-бо народа. То, что въ душѣ, что въ сердцѣ происходитъ, выявляется или *словами* или *голосомъ*. *Мелодія* (*напѣвъ*) или сочепаніе нѣ-сколькихъ поновъ (изъ числа 8-ми) въ извѣстную *мѣру* и *переливъ*, есть поже въ музыкѣ, что и *мысль* или сочепаніе нѣсколькихъ словъ изъ числа 8 частей рѣчи. Не всякая мелодія, равно

какъ и не всякая мысль, одинаково плѣняетъ умъ, прогааетъ душу, раздираетъ сердце. Часто случается, что довольно поверхностныя мысли оживляются прогаательною мелодіей; и на оборотъ, не рѣдко мелодія или напѣвъ не соотвѣтствуетъ глубокости чувствъ, заключающихся въ словахъ. Если же счастливо совокуплена глубокая мысль съ прогаательнымъ напѣвомъ, тогда пѣсни не споешь до конца: или заплачешь, или просто задохнешься.

Музыка также какъ и *Слово* можетъ выражать наши радости, наши печали: посему разсмапривать народныя пѣсни должно всегда двойко, по естъ 1) ихъ *Поэзію*, мысли и 2) ихъ *Мелодію*, музыку, напѣвъ.

Въ этой спашь мы коснемся однихъ *словъ* Южно-Русской проспонародной Поэзіи.

Источникъ всякаго пѣснопѣнія естъ душа муцины и женщины: посему естъ двѣ главныя категоріи пѣсенъ 1) мужескихъ и 2) женскихъ. Разница между пѣми и друдими довольно оцупительна: онѣ носятъ на себѣ оппечатокъ своихъ половъ. Возмите оба пола въ младенчество; всѣ ужимки, всѣ ласки, всѣ игрушки дѣвочки гласятъ одно и поже — *любовь*. Ребенокъ женскаго полу все примѣняетъ къ украшенію себя; у него царствующій инстинктъ естъ *кравиться*: дѣвочки непременно должно имѣть предметъ (куколку), на который могла

бы она излиль всё свои ласки. Сказавъ дѣвочкѣ, что она гадка, запачкана, можно пронуть ее до слезъ; подобные упреки мальчикъ хладнокровно пропустить мимо ушей: и напропивъ съ удовольствіемъ гоповъ напачкать себя усы, или зачернить себя чорпомъ. Между пѣмъ какъ у дѣвочки одна господствующая спраспъ *любовь*, всё игры мальчика показывающъ господствующее въ немъ *гестомобіе*. Онъ не можетъ играпъ *одинъ*, какъ дѣвочка: ему нужны *товарищи*, ему нужно *соперничать*; *побъждать* въ *городки*, въ *леги*, въ *бабки*, въ *подстѣлкахъ*. Цѣль всёхъ его игоръ еспъ или *гестъ* и *слава* или *пріобрѣтеніе*; а тайный ихъ смыслъ еспъ *удовольствіе хорошо вести свои дѣла*. Между пѣмъ какъ дѣвочка, ни кѣмъ незамѣчаемая цѣлые полдни, пихо, въ уголкѣ, въ уединеніи, убаюкиваетъ свою куклу, мальчики дадутъ о себя знать черезъ девятый порогъ; и дай только волю эпимъ сердечнымъ репивцамъ, по все поставяпъ вверхъ дномъ. У нихъ на ладони (прочтите-ка) написано *бой* и *дѣлянія*; у дѣвочекъ, *миръ* и *тишина* и *успокоеніе*.

Такъ какъ господствующая спраспъ у мальчиковъ еспъ *сотоварищество* (игра); а товарищество не иначе можетъ существовать какъ только въ извѣстномъ *порядкѣ*, а игра въ извѣстной *очереди*, по явно Провидѣнію угодно было, чтообы мальчики именно въ своихъ играхъ, въ

своёмъ развлеченіи входили въ сочувствіе съ порядкомъ, въ организацію или въ условія общеспивеннаго устройства. Чѣмъ больше поварищество, чѣмъ игра многосложнѣе, чѣмъ больше заключаешъ въ себѣ условій, очередей, тѣмъ она пріятнѣе для мальчика. Какъ не всякій мальчикъ въ сословіи изучашъ условія общеспивенности посредспвомъ *именнаго наставленія*, по природа не оставила и *лишенныхъ* безъ прізнанія, она *провидѣла* и сиропамъ, и нищимъ. Провидѣніе вспавило въ игру дѣтскую, бросило мальчику въ чашу его услажденій одинъ изъ величайшихъ житейскихъ уроковъ, *чувство товарищества, пріятность общественнаго порядка, уваженіе къ достоинству!* Такъ напр. посмотрише на играющихъ въ меча, гдѣ проповодѣйствують себѣ двѣ партіи, гдѣ участвъ цѣлаго поварищества зависить иногда отъ одного искуснаго брошенія мячика: тогда увидише, что всѣ дѣти закричають единодушно: *больше опытному, больше опытному!* Тогда посмотрише, съ какимъ уваженіемъ спанушь обращаються хорошо одѣтые мальчики съ оборваннымъ спасителемъ цѣлой вапаги — Федькою, *уваженіемъ*, которое прудно дасть почувспвовать однимъ вазиданіями.

Природа, для развитія чувства полиппического назначенія и поприща, назначила мальчику время до 15-18 лѣтъ. Тутъ только узнаешъ онъ о су-

существованіи женскаго пола, путь только воспрѣ-
щаетъ онъ дѣвочку, путь только проявляется
въ немъ новое чувство — *любовь*.

Дѣвочка, существо уединенное, одинокое, такъ
сказалъ, анархическое, не знаетъ *страсти то-
варищества* мальчиковъ: не ей назначила приро-
да ходить по стезямъ общественнаго устрой-
ства; пока дѣвочка независима, по она суще-
ство отдѣльное, одинокое; но когда входитъ въ
колею общественнаго движенія, общественной
жизни, по перестаетъ существовать, прекра-
щаетъ свое бытіе, исчезаетъ — она прильп-
ляется къ мальчику, какъ прилагательное, со-
гласуется съ нимъ, слѣдуетъ за нимъ по всемъ
стезямъ общественной жизни, *она* живетъ *его*
жизнью, *она* съ *нимъ* составляетъ гармонию,
пополняетъ собою *его* цѣлое; дѣвочка дѣлаетъ
ся частью мальчика.

Съ тѣхъ поръ, какъ мальчикъ впервые воспрѣ-
пился съ дѣвочкой, впервые узналъ о другомъ
полѣ, по дѣлается *двойственнымъ* существомъ:
съ тѣхъ поръ развивается въ немъ другая его
часть — *любовь*. Съ тѣхъ поръ начинается
его внутренняя борьба, борьба *гестомобія* съ
любовью, борьба, въ которой не всякій успаваетъ
до конца. Ежедневный опытъ показыва-
етъ, сколько дѣльныхъ мальчиковъ оспавляютъ
свое поприще и бросаются въ объятія любви,
не достигши своего общественнаго назначенія.

Въ этомъ общество не мало перяептъ: воптъ почему Провидѣніе въ первыя 15 лѣтъ человѣческаго возраста опредѣлило преобладать въ мальчикахъ спраспи поварищеспва, подѣ вліаніемъ копорой могли бы они образовать себя, подобно рекрупамъ, для предспоящаго бою.

Человѣкъ влюбленный обыкновенно дѣлается негоднымъ ни къ чему, или по крайней мѣрѣ не въ состояніи заняться чѣмъ либо важнымъ. Къ счастью это явленіе въ жизни мальчика не бываетъ долговременно; большею частью во время неудачной или воззнагражденной любви. Въ общемъ же отношеніи любовь не только не препятствуетъ дѣланіямъ и занятіямъ мужчины по его назначенію, но даже, на оборотъ, сильно подспрекаетъ его къ дѣятельности.

Юноша, впервые вошедшій въ сочувствіе съ другимъ поломъ, измѣняется въ своемъ наружномъ характерѣ. Въ присуствіи пригожей дѣвочки вдругъ опадаетъ съ него прежняя его рѣзвость: дѣлается спепеннѣе. До сего времени другіе ухаживали за его опрятностью; но теперь, въ виду наряднаго сущесства, онъ самъ спаваетъ спотрѣть за своею опрятностью. Хорошее одѣаніе, прическа обращаютъ на себя его попеченіе. Движенія его до селѣ вольныя, беспечныя, рѣзвыя, дѣлаются сжатѣе, невольнѣе, и нашъ мальчикъ, хопя и изысканно, спалъ ходитъ гогодемъ, какъ журавль, когда завидѣлъ

непріятеля. Съ первымъ любовнымъ біеніемъ сердца юноши начинается новое его кровообращеніе, новая жизнь: ибо съ перваго только любовнаго движенія получаетъ онъ, самъ собою, (ибо и здѣсь природа даетъ пайное наставленіе, мимо поученій человѣческихъ) понятіе о своемъ характерѣ, о своемъ общественномъ назначеніи. Невольно влюбленному юношѣ придетъ на умъ вопросъ: *какое же званіе, обезпеченіе предложу я дѣвицѣ вмѣстѣ съ моею рукою?* Пустой поэтъ человѣкъ, который бы думалъ, что удовлетворитъ требованіямъ любви одною своею особою. Хотя вообще личныя достоинства могутъ ручаться за успѣхъ въ любви дѣвочки, однако какъ природа мушкетера назначила кровопилемъ и оберегателемъ слабаго пола, то вмѣстѣ и внушила ему инстинктъ или невольное стремленіе обезпечить эту любовь. Испытавъ въ помѣ, что одно присутствіе пріятной дѣвушки внушаетъ уже человѣку виды честнолюбивыя. На какое бы попріице ни пустился юноша, во всякомъ онъ стремился оплечиться только для *нее*. Вступитъ ли онъ въ походъ, по всѣмъ его загадываніямъ въ передъ упирается на важное обстоятельство, на то, какъ пріятно будетъ послѣ кампаніи съ орденомъ на груди или въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ явиться въ общество дамъ. Кію не любить имѣть хорошія качества? а эти два качества

весьма немаловажны для молодого человека. Другой твердо рѣшился не предлагать своего сердца, пока не дослужится приличнаго чина и содержанія. Одинъ молодой торговецъ утверждалъ мнѣ, что не женится до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи завести хорошенькую пару лошадокъ, т. е. пока не будетъ въ состояніи дать своей молодой женѣ выѣхать приличнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, кто изъ писапелей былъ бы до того эгоистъ, что рѣшился бы прудиться въ славы и имени единственно для себя? Кажется, самая поощрительная мысль для него, должно бы быть, доставить славу и имя свое любимому лицу, и проч.

Дѣвочка имѣетъ жестокою соперницу, которая сильно отвлекаетъ отъ нее юношу; эта соперница есть *отечество*. Казалось бы, что и любовь опнииааетъ у опечества юношество; анъ выходитъ на оборотъ по неисповѣдимому назначенію Провидѣнія, которое пакъ нерѣдко согласуетъ двѣ самыя пропивоорѣчивыя вещи, которое пакъ устроило дѣла свои, что одна и таже вещь имѣетъ двойную и тройную пользу: выходитъ, говорю я, на оборотъ, что именно любовь, одно существованіе женскаго пола поощряетъ юношество въ довершеніи своего общественнаго поприща со славою и

честью. Дѣвочка возвращаетъ опечесиву его служителей.

Конечно изъ этого правила есть исключенія, но потому только, что юношество должно часто бороться съ обстоятельствами.

Такимъ образомъ *дѣвочка* встрѣчаетъ юношу при вспуленіи его на поприще общественности, цель поприща юноши есть *дѣвочка* же, у ногъ коей онъ слагаетъ лавры и плоды трудовъ своихъ, подобно баснословнымъ Провансальскимъ и Аспурійскимъ рыцарямъ, которые по десяти лѣтъ ѣздили побѣждать царства, чтобы пророки низложили къ исполамъ своихъ красавицъ.

Супружество наноситъ конецъ *поприщу* юноши; шпуть онъ вѣнчается, коронуется на новую жизнь; супружеское ложе есть проръ его опдохновенія. Тупъ оканчивается его борьба, его внутреннее волненіе: у порога брачнаго свяпилица сходится и оканчивается множество честолюбивыхъ дорогъ: за этимъ порогомъ начинаются для него новыя мысли, новыя ощущенія, новая жизнь.

Юноша въ продолженіе своего *поприща*, есть существо совершенно *бездомное*, скапающее, неопредѣленное. Съ первымъ чувствомъ о выборѣ спези для своего поприща, онъ выходитъ изъ подъ крова опеческаго. Первая его воля,

первый его независимый пошпукъ, еспь самовольно распоряжаться своимъ сердцемъ, мимо власпи родипельской. Часпо глядинъ онъ безопчепно и поскливо въ свою будущность. Иному судьба успмала дорогу розовыми кустами, украсила плѣнипельными *видами*; другаго проводипть чрезъ сухія и *пустыя* степи; иному сокрапила пупъ, иному предназначила значипельные и уптомипельные обходы.

Цѣль спранспвованія юноши еспь дѣвочка, эпнопть духъ *мира, тишины и успокоенія*. Домъ еспь символъ мира, тишины и успокоенія; дѣвица еспь *домъ* юноши, сущесипва *бездомаго*. Испину эпту освяпилиъ смыслъ чеповѣческой Болгарскою и Сербскою пословицею: *домъ стоипть не на землю, а на женъ*. Поприще юноши еспь спремленіе въ домъ свой, домой, въ святипилице брака.

Не лъзя завидовать пѣмъ, что дошли ближайшею розовою аллею въ домъ свой; кпо не зналъ упомленія, попть не узнаепть и успокоенія. Только дальніе пупники получаюпть испинную награду, пупники, копорые съ посохомъ въ рукахъ, подобно пилигримамъ, Ерусалимскимъ богомольцамъ, проходяпть море и сушу, сносяпть зной и бурю, воспѣвая по временамъ гимны любви и возжигаа өміамъ въ сердць своемъ. Но не одному изъ эпнихъ пупниковъ, посреди его поприща, угрожаепть шуча; гори-

зонгъ его часпо пасмурень и неизвѣспенъ, какъ синяя даль пуспынной Аравіи. Сколько на пупи ихъ представляется имъ олимпическихъ обмановъ, подобно призракамъ Абиссиніи! Сколько разъ вдали зазеленѣетъ ему надежда, подобно оазисамъ знойной Сагарской пуспыни; и прохлада чудится ему, и пѣнь деревъ, и храмина рисуется на прозрачныхъ вѣтвяхъ: все эпо упѣшительно для пупника, но лишь полько пропретъ, прочиститъ глаза свои, все исчаепъ подобно сновидѣнію.

Не одинъ изъ пупниковъ, поправъ на поприщѣ своемъ гады и пресмыкающіяся, боровшись со звѣрьми и обстоятельствомъ, достигаетъ наконецъ довольно поздно до храма мира, тишины и уснокоенія. Иной послѣ упоминельнаго пупи приближается къ подножію свяпилица съ уставшимъ челомъ, съ увядающимъ цвѣномъ ланипъ.

Тамъ, у первой ступени храма, разоблекаясь отъ мірскихъ суетъ, исполняетъ, у испочника покаянія, омовеніе отъ всѣхъ нечистотъ своего странничества, и преоблекается въ ризу перерожденія: пайный гимнъ гласитъ ему изъ храма: *приди, приди обѣтованный, давно зовутъ тебя*; и онъ, съ чувствомъ умиленія, входитъ въ *домъ свой*. У порога онъ заключаетъ союзъ и миръ съ самимъ собою, дѣлаетъ возможныя уступки, опказывается отъ мечпъ, вводится

въ святилище, возсѣдаетъ на пронъ брачный и вѣнчается на царство вѣнцемъ мужества, если поприща славный *конецъ* естъ мужу *вѣнецъ*. Тупъ съ юношею совершается тайна превращенія: онъ переспасетъ жить, жить для себя; опрѣжьте палець ему, не заболитъ; но опрѣжьте палець жены его, или чаду его, возрыдаетъ яко левъ разъяренный. Черезъ связи жены и дѣтей своихъ онъ входитъ въ сочувствіе съ обществомъ, онъ съ нимъ сраспаётся; жилы, питающія все общество, бьютъ и пробѣгаютъ и по его плѣу, проходятъ сквозь его сердце; онъ живетъ и жизнию опечесства для опечесства же. Онъ живетъ двойною жизнию, дома и опечесства, какъ и кровь его дѣлаетъ двойной кругъ: одинъ по сердцу, а другой по всему плѣу (это лучше объясняютъ Анапомики), или какъ земля наша вокругъ оси своей, и вокругъ солнца. Взгляните на него, когда отворишь двери дома своего, взгляните на его высокое, вѣнчанное чело; увидите превращеніе: это не юноша, это *гражданинъ*, это *отецъ*.

Зачѣмъ, слѣдуя за жизнию чловѣка, зачѣмъ вспрѣчаю я на пути его вѣнцы твои, о церковь Православная! Какой небесный Ангелъ снесъ ихъ свыше въ святилище превращенія чловѣка, въ храмъ мира его, въ домъ владычествія его! Зачѣмъ мудрованія мои вспрѣчаютъ здѣсь твои руки благословляющія его на новую жизнь

его! О, благослови, благослови на новую жизнь юношу, кончившаго свое поприще для опечесства съ честию и славою! И чѣмъ болѣе почувствуешь пы жизни его, тѣмъ рукоположеніе пвое священнѣ, божеспвеннѣ: оно свѣще, оно неземное.

Мы остановимся здѣсь, у брачнаго порога, не послѣдуемъ доконца за семейспвенною жизнью человѣка; она не представляеть ничего поэпического. Жизнь опца семейспва, жизнь домовладыки еспь чистая *проза*: книга его не еспь альбомъ стиховъ мечпть и воздыханій; эпло пропоколъ финансовыхъ счеповъ, условий, договоровъ, записей, приказаній; жизнь его приказная, правительспвенная, ибо онъ рукоположенъ въ высшую степенъ, въ высшій чинъ; онъ уже не *сынъ* опечесства, какъ юноша, а *гленъ*. Мысль его поспоянно пребуепть довода, причины, какъ судья; слогъ его положипеленъ и рѣшителенъ, какъ слогъ власти: разговоръ его еспь приказная бумага.

На оборотѣ, *поприще* юноши, или кругъ жизни человѣка неженатаго, съ проявленія въ немъ перваго любовнаго чувспва; но его бракосочепаніе, съ 15 по 30 годъ, еспь обширное поле *мстаний*, надеждъ, воздыханій, спремленій, перевороповъ, періодъ подвижности, буръ снаружи и волненій внупреннихъ. Мечпательный его характеръ проптивуположенъ положипель-

ному слогу мужа. Главный органъ жизни мужа естъ разсудительность, *умъ*; юноши мечтательность, воображеніе, *сердце*; жизнь отца семейства естъ *проза*, жизнь юноши *поэзія*, *пѣснопѣніе*.

Рѣдко отецъ семейства получаетъ поэпическое вдохновеніе; небольшое исключеніе не уничтожитъ эпого правила природы. Возмужалые поэпы, хотя бы и съ дарованіями, бываютъ только оффиціальныя; эпо у нихъ родъ занятія. Если мужъ *поэтъ*, эпо поетъ или въ самозабвеніи, п. е. раздраженіи искусственномъ, напр. на пирушкѣ, или по воспоминанію о своемъ юношескомъ поприщѣ, или учить пѣть пѣсню колыбельную. Но юноша поетъ безопчепно, безусловно.

И такъ источникъ народнаго *пѣснопѣнія*, народнаго поэзія, естъ именно *поприще* юношества. *Народныя* пѣсни должно опличать опъ *заказныхъ*. *Заказными* я называю произведенія пѣхъ лицъ, копорыя, изучивъ правила стихосложенія и пѣипики, заказываютъ сами себѣ сочинить пѣсню, и часто вопреки расположенію своего духа вынуждаютъ у себя ощущенія, если нѣтъ возбуждающихъ къ тому жипейскихъ обстояпельствъ. Такого роду пѣсни представляютъ намъ разнаго роду мѣлкія стихотворенія, преимущественно лирическія. Не стану доказывать, какъ часто эпого роду пѣсни

бываютъ бездушны и безцвѣтны. Да и могутъ ли выливаться сильно — выразительныя пѣсни изъ поддѣльныхъ, полько вообразимыхъ ощущеній?

Народная пѣсня истекаетъ изъ ощущеній, производимыхъ обстоятельствомъ, истекаетъ *въ самое время и на мѣсть*, ибо простой народъ, не учившись стихотворству, имѣлъ учителя въ самомъ чувствѣ, и не можетъ, вопреки расположенію духа, не можетъ сказать себѣ: *я хочу написать нѣжную, чувствительную оду.*

Казалось бы впрочемъ, что Романы, Оды, Элегии, Идилліи, Посланія и Возгласы къ *Ней* и объ *Ней*, нерѣдко составленные съ жаромъ и чувствомъ, писанные болѣе образованными членами народа, соотечественниками, можно бы тоже причислить къ *народнымъ* пѣснямъ; однако этого сдѣлать не лзя, ибо 1) какъ въ обращеніи, такъ и въ пѣснопѣніи образованныхъ пѣвцовъ есть много *искусственнаго*: посему эпическія пѣсни не во всемъ выдерживаютъ характеръ *естественности*. 2) Образованные пѣвцы очень часто заимствуютъ обороты иноплеменной чувствительности, что противно *народности* пѣсенъ.

Какъ *пѣсня*, гласъ сердца, выражаетъ или воспоминаніе, или просьбу, или жалобу, то она никогда не выходитъ изъ сферы испоріи, нужды и образа жизни своего народа. Она потому *на-*

родная, что носить на себя все отпечатки народности. Слово народный не надобно смѣшивать со словом *простонародный*; пѣсня всегда зараждалась въ самой благородной части народа, т. е. въ шой, гдѣ было болѣе жизни и чувствованій. Всякій народъ имѣетъ свой опредѣленный образъ жить, образъ любить и образъ пѣть.

Правда, пѣсня образованная, сопоставленная по опредѣленнымъ правиламъ стихосложенія, можетъ быть *глаже*, искусственнѣе народной; но за то народная сильнѣе заказной, искусственной, ибо народность такое же имѣетъ превосходство надъ образованностью, какое и естественность надъ искусственностью. Въ примѣръ разберемъ народную пѣсенку Южно-Русскую:

Бхавъ Козакъ на Дунай,
Казавъ дѣвчинѣ: *прощай!*
Ты конику воронику
По свѣту гуляй.

Вышла ручки заламавши,
И пляженько заплакавши:
Якъ ты мене покидаеш!
Но самъ подумай!

Свиснувъ Козакъ на коня;
Будь здорова молода,
Вернуся я, когда буде
Яка пригода.

Поспой, поспой Козаче,
Твоя дѣвчина плаче.
Якъ ты мене покидаеш!
По самъ подумай!

Бѣлыхъ ручокъ не ломай,
Черныхъ очокъ не стирай,
Мене съ войны со славою
Къ собѣ ожидай.

Не хоту я ничего
Ино тебе одного,
Ты будь здоровъ, мой миленькій,
Не все пропадай.

Молодой Козакъ любилъ прелестную дѣвочку. Сколько дней ему она озолотила своею улыбкою, сколько часовъ усладила своимъ любящимъ словцомъ, сколько минутъ обворожила погружая въ него взглядъ своихъ черныхъ очей! Южный Русакъ былъ счастливъ. Насталъ день разлуки; но онъ не оправлялъ своей дѣвчинѣ минуточку прощанія велегрѣчивыми и папеллическими возгласами: по крайней мѣрѣ избѣгла ихъ народная пѣсня. Сколь ни былъ пиронуть юноша, но онъ долженъ былъ выдержать свой мужескій характеръ, вынесши эпизодъ изъ своего поприща: ибо онъ отправляется на войну. Взглянувъ на нее еще разъ, еще разъ, да еще, можетъ быть, въ

последній разъ, онъ сказалъ ей последнее, самое прогашельное изъ своего романа, изъ своего счастья, слово *прощай*. Сколько любви, сколько сожалѣній, сколько увѣреній, сколько желаній, сколько обѣщаній помнишь и не забываешь въ эпюмъ словъ *прощай!* Да и могъ ли, долженъ ли былъ молодой человекъ сказать ей что либо другое въ присуствіи родныхъ, друзей, знакомыхъ, сосѣдей, обыкновенно сбѣгающихъ на прощаніе? Присуствіе постороннихъ людей не позволяетъ любви распространяться обширнѣе въ своихъ выраженіяхъ.

Можно замѣтить, что эпю народная пѣсня во первыхъ сохраняетъ естественность событія, во вторыхъ всегда даетъ болѣе подразумѣвать. Слова и выраженія, подъ которыми еще далѣе подразумѣвается, суть сильны, глубоко — значущи, потому именно, что надъ ними можно призадуматься. И дѣйствительно *прощай* молодого человека, идущаго на долго, на войну, *прощай* суженаго раздираетъ сердце, долго, долго въ душѣ откликается. Въ заказной, искусственной пѣснѣ, въ *Элегіи на прощаніе*, чтобы сдѣлать прощательную сцену прогашельнѣе, поэты нерѣдко изыскиваютъ разныя чувствованія; обыкновенно выбираютъ изъ романа предпрощательнаго сцены попрощельнѣе, а эпю для того только, чтобы насолить прощательную

минушу или любимому лицу, или чинапелямъ; на пр. *Помнишь ли, когда твоя грудь волновалась, когда ланиты твои горѣли, когда я упивался дыханіемъ твоимъ, таялъ отъ огня огей твоихъ, когда глава твоя покоилась на моей груди; помнишь ли наши мѣстанія, наши забавы; о луна, о небо, о земля, о преисподняя и проч. и проч.*

Поэзія, пѣсня должна быть деликатна, какъ юная дѣва; она не должна выводить наружу, во свѣдѣніе всему міру, изъ-за завѣсы любви пѣ сцены, за которыя дѣвочка могла бы покраснѣть. Хотя чистая, опкровенная любовь не порокъ, но она любитъ таинственность; она такъже спраждаетъ отъ раскрытія, какъ и рана, съ которой снимешь покрывало и подвергнешь дѣйствію воздуха. Живѣйшая эмблема эпои таинственности есть *домъ*, новый домъ новобрачныхъ.

И такъ народная пѣсня избѣгла всякую изысканность въ чувствованіяхъ (что обыкновенно называется сентиментальностью), удерживаясь въ предѣлахъ *естественности* и *прилигія*, ибо и въ простомъ быту есть своя таинственность и своя скромность, по силѣ которой Козакъ дѣйствительно не могъ сентиментальничать.

Равно и съ поведеніемъ дѣвушки пѣсня по-

спунила прилично и естественно. Пораженная словомъ прощай, она вышла и ломая себѣ руки *тяжко заплакала*. Вышелъ и молодой Козакъ, и обратился къ своему спутнику, коню вороному. Тупъ пѣсня дала возможность дѣвушкамъ проронить въ споронѣ еще словца два къ своему милому: *Какъ ты меня покидаешь! Но самъ подумай!* Пѣсня избѣгла всякаго роду упреки, копорые ничѣмъ не помогаютъ, и только огорчаютъ послѣднія минуны разлуки. Изъ всѣхъ резоновъ, копорые можетъ привести оставляемая дѣвочка противъ непреоборимыхъ обспояпельспвъ, еспъ ея жалоба: *какъ же ты меня покидаешь!* выраженіе, въ копоромъ заключаются всѣ ужасы опсупспвія, скуки и одиночеспва. Жалоба ссылаемая на собственное сознаниѣ любимаго лица: *но самъ подумай!* значить: *но самъ подумай, какъ я тебя любила, и какъ мнѣ придется по тебѣ горевать*. Въ скромномъ: *но самъ подумай* 1) указывается на всѣ сцены прошедшаго романа, 2) дѣвочка въ послѣдній разъ оказываетъ свою любезность пѣтмъ, что въ эпомъ полуспорномъ дѣлѣ, ссылаясь на собственное сознаниѣ любимца своего, покоряется ему, предается его волѣ. Онъ сядился на кова, желаетъ ей здоровья, общается когда-либо возврашиться.

Пѣсня до конца не нарушаетъ скромности любовниковъ, законы коей сами по себѣ опяго-

пѣаютъ прощаніе. Но пѣсня весьма благосклонно заставляеть родныхъ и пріятелей принять въ нихъ участіе: *Постой, стой Козаке, твою дѣвчину плаче*. Это соучастіе есть одобреніе ихъ любви, деликатность присущивующихъ, не желающихъ мѣшать сердечному изліанію. Но дѣвушка все свое поетъ: всадникъ проситъ, велитъ не ломать бѣлыхъ рукъ, не выплакивать черныхъ очей и ожидать его. Такъ какъ измѣнить судьбы не лзя, то дѣвушка опещониваетъ свое послѣднее *будь здоровъ!*

Пѣсню *пхалъ козакъ* я привелъ потому, что она на Сѣверной Руси, кажется, извѣстнѣе другихъ и, кромѣ сего, что проще другихъ. Она не носитъ на себѣ печати ни усилія въ сочиненіи, ни искусственности, ни изысканности въ чувствованіяхъ.

Сообразимъ происхожденіе народной пѣсни, *Голосъ* или *напѣвъ* образовался прежде *словъ*, то есть прежде самихъ стиховъ, ибо печаль свою можно излить однимъ голосомъ и безъ словъ. Это есть *сокровенная пѣсня*.

Говоря о голосѣ и пѣніи, нельзя въ то же время не говорить и о чувствованіяхъ, ибо одно съ другимъ сопряжено неразрывными узами, или лучше сказать, то и другое есть одно и то же, такъ что правильно можно сказать: *пѣ-*

ніе естъ чувствованіе. Дарованіе *плть* или *чувствовать* зависить отъ извѣстной душевной пріемлемости, копорую мы можемъ узнавъ только по ея явленіямъ. Всякому человѣку дана эта *пріемлемость*, только въ различной степени: а различіе въ степеняхъ зависить отъ различія въ органическомъ устройствѣ. Источникъ чувствительности, мыслительности во всякомъ чловѣкѣ одинъ и тотъ же, только развитіе ихъ совершается посредствомъ организации, болѣе или менѣе *пріемлющей*. Хорошая организація или комплексія естъ истинный подарокъ для чловѣка: отсюда-то и разница въ *дарованіяхъ*.

Въ дарованіяхъ *природныхъ* можно допустить степени. Низшую степень раздражимости или пріемлемости (дарованія) можно возвысить воспитаніемъ. Воспитаніе естъ обогащеніе ума и сердца впечатлѣніями: чловѣкъ бѣдный впечатлѣніями умственными (помятіями) и сердечными (чувствованіями) въ бездѣйствіи и одиночествѣ (скукѣ) обыкновенно засыпаетъ; но чловѣкъ, обогатившійся и пѣми и другими, въ уединеніи, отъ скуки, можетъ пересмапривать, пересчитывать свои понятія, свои ощущенія, складывать ихъ всегда въ новомъ порядкѣ, выводить новыя слѣдствія, составлять новыя картины, сцены — короче, такой чловѣкъ мо-

жесть или *мыслить*, или *мечтать*, такой человекъ проведетъ уединенное время въ обществѣ съ самимъ собою. Послѣ долгаго мышления уставшая душа пребудетъ собесѣдника, ибо слушая другихъ опдыхаемъ.

И пакъ, умноженіе понятій или чувствованій возвышаетъ душевную дѣятельность человека. Но мыслительность, равно какъ и мечпательность, можетъ возрастать быстрее или медленнѣе: положительныя свѣдѣнія приобрътаются только годами, по этому и мыслительность и здравомысліе проявляется медленнѣе. Но мечпательность можетъ произойти быстрее. Возьмемъ четырехъ человекъ средней раздражимости, чувствительности: если перваго будутъ сердить только по одному разу въ мѣсяцъ, другаго по разу еженедѣльно, третьяго ежедневно, четвертаго ежечасно, то послѣдній прежде всѣхъ достигнетъ высшей степени раздражимости, чувствительности. Я хочу сказать, что чѣмъ болѣе кто упражняется въ какой либо справти, или вообще въ справтахъ, тѣмъ болѣе онъ изощряется, тѣмъ дѣлаются сильнѣе, и тѣмъ самымъ нерѣдко вознаграждается недостаткомъ врожденной чувствительности.

Человекъ отъ природы чувствительный, или коего справти изощрены общежитіемъ, любить въ одиночествѣ, отъ скуки, предаваться мечпа-

нію. Мыслительность, поддерживаемая мечпательностью, достигается до той степени дѣятельности, которую можемъ назвать *невъразимою быстротою*. Нужно ли исчислять всѣ проказы и внезапности мысли человѣческой!

Тоже самое должно сказать и о пѣсни, о музыкѣ. Подвижна какъ мысль, она передразниваетъ не только всѣ явленія въ душѣ человѣческой, но и явленія всей природы. Она капризна, какъ сердце человѣческое; по пиха, по рѣзва, по скромна, по бурна, по умоляющая, по нагла и неистова, по весела, по печальна, по доброжелательна, по зависплива, по поспоянна, по измѣчива.

Музыка, пѣсня, проходитъ чрезъ всѣ степени чувствительности и мечпательности; голосъ слѣдуетъ за чувствомъ, какъ слово за мыслью, какъ пѣнь за человѣкомъ. Родившись въ хижинѣ земледѣльца, переходя изъ сословія въ сословіе, она наконецъ, подобно мысли, подымается съ земли, и, въ фугѣ и громѣ, воспаряетъ къ небсамъ: тогда она совершаетъ свой апоѳеозъ, и доказываетъ всей землѣ, что она, пипомница Землянина, дочь Боговъ.

Музыкальность, какъ и чувствительность, или дается природою, или пріобрѣтается упражненіемъ. Многіе сдѣлались хорошими компози-

порами играя долго и часто; я встрѣчалъ виртуозовъ, не знавшихъ ни одной ноты. Есть люди, которые *improvisi* цѣлые часы насвистываютъ фанназии, по веселыя, по печальныя, не будучи музыкантами. О такихъ можно сказать, что они много спрадали, т. е. много ненавидѣли, много любили, много радовались, много горевали, т. е. много мыслили, много чувствовали, словомъ — много жили.

Между пѣмъ музыка, какъ и поэзія, имѣетъ свою искусственную и природную или народную сторону. Какъ искусство, мы ославимъ музыку, и обратимся къ ея народности. Въ *простомъ* народѣ, гдѣ нѣтъ той безпокойной мечтательности, какую видимъ мы въ высшихъ слояхъ общества, она отличается простотою и краткостью. Чѣмъ обогативше человекъ въ обращеніи своемъ, въ словахъ и въ мысляхъ своихъ, пѣмъ и пѣсня его можетъ быть гибче. Простомюдинъ не любитъ многосложныхъ періодовъ, не зашвердитъ многословныхъ выражений, не пропоетъ многопактной пѣсни: два, три такта составляютъ напѣвъ цѣлаго стиха. Простомюдинъ, чтобы продлить пѣніе, повторитъ нотъ же напѣвъ, съ пѣмъ однако, что при повтореніи музыкальнаго стиха послѣдній тактъ или его половину спускаетъ ниже одною или двумя нотами. Такимъ образомъ *повтореніе* перваго музыкальнаго стиха

производити въ второй; *измѣненіе* его окончанія устраняетъ однообразіе: второй стихъ опивчается первому, съ нимъ сопоставляетъ смыслъ, ибо онъ есть вторая половина напѣва. Тогда оба стиха представляютъ одно цѣлое, полную строфу, оканчиваемую точкою. Эту музыкальную строфу просполюдинъ можетъ повторять *да саро* сколько разъ, сколько его душѣ угодно: одинаковое окончаніе голоса въ первыхъ или во вторыхъ стихахъ подало поводъ, почти инстинктуально, прибираетъ и слова *равныхъ окончаній* тогда, когда напѣвъ спали облекаетъ въ слова же: такимъ образомъ одинакая нопа, повторяемая въ концѣ напѣва, родила *риѐму*.
На пр.

Бѣду'мъ собѣ купила,
Та за свои гроши;
Кажуть бѣду любими...
Бѣда не хорошій!
Я въ недѣлю пѣна была
Въ понедѣлокъ спала,
А во вторникъ сноповъ сорокъ
Пшеницы нажала.
А въ среду сушила,
Въ четвергъ молошила,
Въ пятницу продавала,
Въ субботу пропѣла.
За щожъ мене, мужу, бѣшь;
За яки учиняи?

Чи я шобъ не напярла
За рокъ два починки?
Не сама же я пряла,
Кума помогала,
То за масло, то за сыръ,
То за кусокъ сала и проч.

Кто-то (изъ Нѣмцевъ) утверждалъ, что римска не есть необходимостъ въ пѣніи Европейскихъ народовъ, основываясь на томъ, что римскому избѣгли и Греки и Лапины, и что вообще новые Европейскіе языки не имѣютъ того римскаго богатства, какъ языки восточные, на пр. Арабскій, или даже Персидскій; что-де Капалонскіе кочующіе пѣсельники и фигляры (*trobadores* у *juglares*, у *bufones*) первые изъ Европейцевъ переняли у Кордовскихъ и Севильскихъ Арабовъ обыкновеніе римовати свои пѣсни; что-де это обыкновеніе распространилось въ послѣдствіи и во Франціи и въ Италіи, а наконецъ Германіи, и по всей Европѣ. Выводъ этотъ пѣтъ оспроумитъ, что Испанія, и кромѣ пѣсень, многимъ другимъ еще обязана Кордовскимъ и Севильскимъ Арабамъ, а Испаніи Европа. Конечно Арабскій языкъ чрезвычайно богатъ на римы, до того богатъ, что цѣлыя стихотворенія есть у нихъ на одну только риму. Несмотря на это, источникъ римованія соспоинъ не въ римскомъ богатствѣ чужаго

языка, а въ музыкальномъ свойствѣ домашняго, собственнаго напѣва, какъ мы уже эпо видѣли. И дѣйствительно, не вижу когда и какимъ образомъ рюмованье могло перейти изъ Германіи или Италіи или откуда либо въ народныя пѣсни Южной Руси. Оспанемся при помѣ мнѣніи, что Южно-Русской селянинъ, не будучи въ состояніи управлять голосомъ въ слѣдъ за своею душою, не будучи масперъ на прели и на завываніе, принужденъ былъ, для изліянія своихъ ощущеній, повторять свой краткій напѣвъ. Оспанемся при той мысли, что *повтореніе краткаго напѣва породило рюму*.

И такъ рюма въ стихахъ есть явный признакъ и вмѣстѣ слѣдствіе *неловкости, неупражненія, неискренности* въ пѣвіи.

Музыка имѣетъ свои рюмы: *рондо* есть сочиненіе рюмованное, если всякая его часть, его стихъ оканчивается одною и тою же нотою. Если напѣвъ какой-либо пѣсни выразить разными способами, это значить написать *варіаціи* на тему. Варіаціи эти означаютъ искусственность, образованность музыкальную. Но *искусственность* и *сила* суть двѣ вещи разныя: сколь ни хипрѣе, сколь ни увѣрливѣе первая варіація самой темы, она не сильнѣе подѣйствуетъ на душу, чѣмъ и тема. Какая либо *фантазія, увертюра* не имѣетъ рюмы.

Сила напѣва состоитъ именно въ рюмѣ. Такъ

какъ приема еспь оконечное *повтореніе* одного и того же тона, по повтореніе одной и той же ноты, какъ повтореніе удара на одно и тоже мѣсто, пробиваетъ, такъ сказать, въ душѣ по глубокое ощущеніе, которое и называется *силою* въ музыкѣ. *Капля за каплей пробьетъ и камень*. Вотъ почему *пльня* нерѣдко разспрогаетъ до слѣзъ, *фантазія* никогда.

Напѣвъ (мелодія) образовался прежде нежели *куплетъ*: въ форму и мѣру напѣва набирались слова. Разные виды механизма куплетовъ зависятъ отъ музыкальнаго состава въ напѣвѣ. Если два первые стиха оканчиваются одною и пою же риемою, а два слѣдующіе другою; по въ музыкѣ оба первые поются одинаково, такъ же и послѣдніе одинаково, п. е. два стиха словъ въ музыкѣ равняются одному стиху *bis*, а два послѣдніе другому *bis*; на пр.

Коли любишь, люби дуже,
А не любишь, не жаршуй же;
Не задавай сердцу пуги,
Не возьмешь ны — возьме другій.

Або въ водѣ упоплю ся,
Або въ каминь розобью ся;
Нехай о томъ люде знають,
Щпо отъ любви умирають.

Мнѣ мапи заказала,
Щпо бы'мъ съ хлопцемъ не гадала;

Я гадала и ще буду;
Его ингда не забуду.

Вершокъ древа зеленого,
Кусокъ леду спуденого,
Кусокъ леду росшопиися...
Наша любовь розыйдется?

А съ вечера невидненько,
Ты прійди мое серденько;
Вже минуло три недѣли,
Якъ же мы ся не видѣли. и проч.

Разныя формы и мѣры купленовъ можно видѣшь въ полномъ собраніи народныхъ пѣсень. Въ пѣсняхъ, почти инстинктуально, ударенія словъ спановились подъ протяжныя ноты, а краткіе слоги подъ краткія; народныя пѣсни, подъ вліяніемъ природы, выливались, подобно самородкамъ злата и сребра, въ разныя формы. Въ послѣдствіи искусство, коего цѣль есть поддѣлываться подъ природу, собрало эти формы и соснавило для себя правила, *Правила Стихосложенія.*

Такимъ образомъ музыка родила Поэзію, воспитала ее и увлекла за собою въ поднебесную. Древнѣйшій человѣческій спихъ на землѣ есть Лирическій, гимнъ селянина.

Съ пѣхъ поръ, какъ искусство вмѣшалось въ пѣснопѣніе, оно опредѣлило Поэзію отъ му-

зыки: съ пѣхъ поръ замаскирована главнѣйшая сила рѣмы; рѣма сдѣлалась механическимъ промысломъ искусственныхъ пѣвцовъ.

Конечно стихотворческая опдѣлка куплетовъ, опдѣлка ех professo, можетъ быть глаже, но она глаже потому, что искусственнѣе. Вотъ все, что зачала Поэзія изъ народнаго быту, т. е. правила для наружной опдѣлки, правильности стиховъ. Но ужели народныя пѣсни не могли бы представить примѣровъ, правила, и для нравственнаго изящества, народности, силы, выразительности? Вѣдь учить механикъ куплетной, не значить еще учить поэзіи. Изслѣдовано ли вполнѣ, сколько изящнаго, прогнательнаго заключають въ себѣ народныя пѣсни?

Но обратимся къ народнымъ пѣснямъ Южной Руси. Поэтизмъ Южной Руси можно измѣрять съ разныхъ почекъ зрѣнія: 1) относительно *пѣсенности*, 2) относительно *силы* или глубокости чувствованій, 3) относительно *музыкальности*.

Чѣмъ болѣе какое либо племя имѣетъ народныхъ пѣсень, тѣмъ оно пѣсеннѣе. Въ этомъ отношеніи между Европейскими народами есть ощутительныя различія, или степени. Чѣмъ больше какое либо племя, т. е. чѣмъ дальше проспирается какое либо нарѣчіе, тѣмъ оно пѣсеннѣе, по очень естественной причинѣ; ибо

чѣмъ больше головъ, тѣмъ больше и производи-
телей. Къ Южно-Русскому (неправильно на-
зываемому Мало-Россійскимъ) нарѣчію, въ Рос-
сіи, Царствѣ Польскомъ, Галиціи и Сѣверной
Венгрии, принадлежатъ до 20,000,000 жителей;
(къ Сѣверно-Русскому до 22 милл.). Сполнъ цѣль-
но-огромнаго племени нѣтъ ни въ одной спра-
нѣ Европы. Опъ единообразія въ нарѣчій про-
исхождишь великая выгода, ибо пѣсенка сочи-
ненная въ Люблинѣ или въ Замосшь, родная и
въ Харьковѣ; чпо поютъ около Перемышля въ
Галиціи, по поймутъ и въ Глуховѣ; чпо со-
чинено подъ Каменцемъ-Подольскимъ, по мо-
жетъ принадлежать и Воронежцамъ, и Черно-
морцамъ. Такимъ образомъ *Украинскія Народ-
ныя Пѣсни* Г. Максимовича принадлежатъ не
однимъ Украинцамъ, а всей Южной Руси *. И

- * Для незнающихъ коротко Южной Руси, прилагается здѣсь
этнографическое оппощеніе народонаселенія нѣкоторыхъ
Южныхъ Губерній:

ОБЩЕЕ НАРОДОНАС.	ЮЖН. РУСИ.	ПОЛЯК.	ЛИТВИН.	ЖИД.
Подольск. . 1,460,000	1,350,000	50,000	— — —	60,000
Волынск. . 1,490,000	1,370,000	70,000	— — —	80,000
Минская. . 1,160,000	1,040,000	60,000	— — —	50,000
Могилевск. 945,000	860,000	45,000	— — —	40,000
Гродненск. 868,000	400,000	80,000	320,000	60,000
Виленск. 1,350,000	450,000	80,000	740,000	65,000
Бѣлосток. 225,000	70,000	30,000	100,000	25,000

такъ, можно положить ипогъ Южно-Русскихъ Народныхъ Пѣсень до 5,000. Подобнаго народнаго богатства не предсавитъ ни одно изъ Европейскихъ племень, если не причислятъ сюда липературныхъ романсовъ.

Кажется впрочемъ, что Сѣверная Русь (Велико-Россы) едва ли уступитъ Южной въ пѣсенности, также какъ и въ многочисленности своего населенія. Разница между ними существуетъ въ характерѣ и силѣ ихъ народной поэзи, народныхъ пѣсень. Эту разницу лучше всего можно видѣть, если сравнитъ дѣйствія пѣсни на человѣка.

Пѣсня верѣдко разпрогаетъ Южанина до слѣзъ; Сѣверянинъ отъ пѣсни своей никогда не заплачетъ. Южанинъ любитъ совсѣмъ предаться своему ощущенію; Сѣверянинъ не позволитъ своей пѣсни взять надъ собою верхъ; и если заувывный напѣвъ спалъ шевелитъ его грудь, то попчасъ переходитъ онъ обыкновенно на веселую, плясовую пѣсню, чтобы оглу-

Въ Царствѣ Польскомъ, по сію сторону Вислы, до 800,000 Руси, принадлежащей къ Хелмской Уніатской Эпархіи. Въ Губерніяхъ къ Полякамъ принадлежатъ почти только одни помѣщики, а отчасти мѣщане. Русь же, кроме духовенства, принадлежитъ почти исключительно къ земледѣльческому классу. Изъ Сѣверной Руси есть во всякой изъ эпахъ Губерній по нѣскольку тысячъ жителей, большею частью промышленниковъ.

шить свое чувство, попушнить проявляющееся уныніе, разсѣять себя. Такимъ образомъ въ дѣйствіи пѣсни, производимомъ на человѣка, видна сила ея: но въ силѣ пѣсни, на оборотъ, виденъ характеръ, раздражимость, душа человѣка; характеръ же соспавляется подъ вліяніемъ окружающихъ обспояпелствъ и образа жизни: такъ, наконецъ, въ пѣсни какъ въ зеркаль опливается духъ человѣка.

Образъ жизни Русскаго Сѣверявина à рец рѣс пропівуположенъ образу жизни Южанина,

Кто наблюдалъ вліяніе на человѣка всякой окружающей мѣлочи, топъ легко обьяснитъ себя эту пропівуположность. Люди, живущіе у большихъ, бурныхъ рѣкъ, у береговъ морскихъ, всегда бодрѣе, выше духомъ, чѣмъ живущіе въ безмятежномъ *средиземельи*. Такимъ образомъ Греческій народъ, разсѣянный по оспровамъ и побережью, былъ всегда бодрѣе Лапиновъ: такъ бурные Днѣпровскіе пороги образовали Запорожскихъ Спаршанцевъ, Волга и Донъ Донцевъ. Возмемъ простпой примѣръ. Если ѣдеш на извощикъ, коего лошадка насилу пащиптъ тебѣ, погда и чувспвованія пвои печальнѣе и мысли смиреннѣе, болѣе закушаешься въ самага себя; ѣдеш на бойкомъ лихачѣ, быспрое движеніе, быспро мелькающіе предметы быспрѣе опражаются въ душѣ, удары дрожекъ переливаются въ біеніе жилъ, нечувспвипельно раскупаютъ пле-

бя изъ самаго шебя, невольню подвинешъ голову, прибодрисься, живѣе глядишь кругомъ себя и... словомъ, болѣе думаешь о себѣ.

Съ дѣспсва исключительный поварищъ Сѣверянина естъ конь, Южанина воль: первый бодръ, оборопливъ, непоспояненъ, уверпливъ, смѣпливъ какъ его конь; послѣдній пихъ, неповоротливъ, поспояненъ, преспъ какъ его поварищъ. Сѣверянинъ болѣе Грекъ, Южанинъ болѣе Лапинъ. (Само собою разумѣется, что здѣсь не говорится о высшихъ слояхъ общества).

Слѣдствіе этого важнаго обспояпельсства проявляется въ образъ жизни: Сѣверянинъ-скипалець; Южанинъ-домосѣдъ. Что проскачешъ первый въ недѣлю, чрезъ то будетъ плащиться послѣдній цѣлый мѣсяць: съѣздитъ первому въ Одессу, въ Аспрахань, Ригу, сполько же много значить, сколько Украинцу въ свой Уѣздный знаменитый Миргородъ, или даже въ Губерніи: всякій Сѣверянинъ на своемъ вѣку перевидалъ много, перебивалъ много; и на оборотъ не всякій Южанинъ видѣлъ свой Губернскій городъ. Лошадь Сѣверянину даетъ возможность пріобрѣсти великое множество свѣдѣній, впечатлѣній, опытовъ, коихъ слѣдствіемъ есть отличная смышленость и здравомыслие Велико-Русскаго племени.

Вообще элементъ Сѣверянина естъ *движеніе, дѣятельность*; Южанина—*миръ, тишина*: мно-

жество свѣдѣній и впечатлѣній развлекають душу перваго, не дадутъ ему предаться самому себѣ, вызываяють его къ себѣ, заспавляють его жипь болѣе *внѣ себя*: послѣдній живеть болѣе *внутри себя*; его событія, его впечатлѣнія супъ болшею частію явленія семейныя. Южанинъ успѣлъ проникнуть во всѣ оппѣнки семейной жизни, онъ испыталъ всѣ печали, всѣ радости, всѣ переливы драматическаго бытія. Эти пайны жизни южной неизвѣстны Сѣверянину; онъ принадлежипть болѣе обспоятельствамъ внѣшнимъ, чѣмъ себѣ, чѣмъ семьѣ, чѣмъ дому своему. Южанинъ имѣеть болѣе случаевъ и болѣе времени изощрять спраспи свои; между пѣмъ перемежающіяся впечатлѣнія у Сѣверянина не позволяють въ немъ заспояться одной спраспи. Нигдѣ спраспи такъ не изощряются, какъ въ драмѣ, п. е. въ кругу, въ которомъ находяися оба пола и всѣ возрасты. Элементъ движенія, дѣянія вызывается Сѣверянина изъ эпого кругу: пропадаться изъ дому цѣлые полгода въ извощичаньи, на заработкахъ, и проч. обыкновенное явленіе въ его жизни. Хотя на этомъ поприцѣ и соединяется юношесство, или возмужалые въ полпу; но толпа, соспоящая изъ однихъ мущинъ, не можетъ соспавипть драмы; въ полпѣ находяися одно чувство *сотоварищества*. Вопъ почему не лзя удивляться, что Сѣверянинъ несрав-

ненно хладнокровнѣе ко всему, нежели Южанинъ.

Оба характера удивительнымъ образомъ отразились въ своихъ пѣсняхъ, какъ въ напѣвѣ, такъ и въ словахъ. Въ напѣвѣ Сѣверянина, какъ и въ его жизни, главная черта есть движеніе. Пѣснь Южанина болѣе *adagio*, Сѣверянина *andante*, или *allegro*. Музыкальный стихъ перваго проспѣтъ, немного сложенъ, коропокъ; послѣдняго длиннѣе, во всякомъ тактѣ больше нотъ, болѣе переливовъ; въ иномъ болѣе спопѣ, нежели въ другомъ, часпо безъ рѣомъ; стихъ иногда округляется однимъ пропаяженіемъ голоса. Нерѣдко одинъ слогъ распягивается на нѣсколько переливныхъ тактовъ. Онъ не очень любитъ связать себя мѣрою и качествомъ спопѣ; его пѣсня не романсъ, а диаврамбъ древнихъ Грековъ. Голосъ пѣсни его возвышенный: *alto*, изспуленный во все горло; чптобы дать болѣе напряженія груднымъ мышцамъ, Сѣверянинъ любитъ опираться голову на руку. Пѣніе это во все горло не комнатное, оно степное, свѣжовоздушное, открыто-вольное, вѣшнее, пупеое. Арія Южанина пропывуположна, тиха, пропаяна: напѣвъ у перваго болѣе *solo*, къ которому не легко приладить *втореніе* (*secondo*); это голосъ души одинокой, испоргнутой изъ драмы, изъ гармоніи. Голосъ послѣдняго пребуетъ, принимаетъ *secondo*, голосъ пребующій сочув-

ствія, соучаспія. Сѣверянинъ воспѣваетъ свою волю, Южанинъ долю (судьбу). Воптъ почему послѣдній болѣе любитъ пѣть съ инструментомъ, нежели первой. Изъ Сѣверянъ лучше товарищъ, изъ Южанъ лучше другъ. (Замѣпка: въ пѣхъ, которые охотно въ пѣніи впоряпъ, или любятъ слышать аккорды на инструментѣ, сильно преобладаетъ чувство дружбы: лица у такихъ выразительны).

Вообще народная поэзія Южной Руси заключаетъ въ себѣ болѣе глубокихъ чувствъ, чѣмъ Сѣверная; за то гевій Сѣверянъ выразился болѣе въ *философій наблюдательной*, въ слѣдствіе сполькихъ опытовъ и свѣдѣній: 5,000 Русскихъ пословиць математически могутъ поручиться за свои истины. Можно сказать рѣшительно, что *сердце* Русскаго народа найдется на Югѣ, а *голова* на Сѣверѣ.

Сѣверяне имѣютъ больше энтузіазма, Южане болѣе характера и спокойности; у первыхъ больше мысли, у послѣднихъ больше чувства; у пѣхъ болѣе преобладаетъ дѣятельность, у этихъ гражданственность: тому непріятнѣе быть запертымъ, этому обиженнымъ. Южанинъ лучше составитъ планъ, Сѣверянинъ лучше выполнитъ. Тотъ непріятнѣе своею скръпшоспью, эпомтъ болпливоспью; первый привязанъ за оказанныя услуги, послѣдній болѣе въ надеждѣ на услуги. Сѣверяне пишутъ легче, поверхностнѣе,

Южане глаже: шѣ склоннѣе болѣе къ лифера-
турѣ, словесности, эпити болѣе къ наукамъ: у
шѣхъ господспвуетъ легкая иронія, у эпити
ѣдкій сарказмъ; у первыхъ въ обращеніи боль-
ше въжливостей, предупрежденій, у послѣднихъ
больше папепизма. Тотъ болше полипикъ,
эпити болше юриспрудентъ, болше гуманиситъ.
Первый любитъ говоритъ болше намеками, по-
слѣдній опкрыпто. Если тотъ хочеть обма-
нуть, предложитъ свои услуги, эпити припво-
ритъ дурачкомъ. Тотъ врага скорѣе убьетъ,
эпити скорѣе оклеветаетъ. Для Сѣверянина
чувствительнѣе упрекъ или охудженіе, для
Южанина насмѣшка и проч.

Но эпити-то различному направленію народной
характеристики и раздраживается, раздвѣчи-
вается *Народная Поэзія* Сѣверянъ и Южанъ.
Имѣя честь, по племени и по рожденію, принадле-
жать къ Южной Руси, я желалъ бы еще болше
пожурить и похвалить ее: но оспановимся на
слѣдующей испинѣ, что ни Сѣверяне, ни Южане
сами себѣ испочникомъ бытъ не могутъ: ибо
сколько они ни войдутъ въ самихъ себя, все
выйдетъ одно и шже. Само собою слѣдуетъ,
что испочникомъ многого хорошаго, многого
поэтического для Сѣверной Руси есть Южная
Русь; испочникомъ Южной—Сѣверная. Одна безъ
другой много бы потеряла; одна другою поль-
ко и можеть улучшить, существовать: ибо

ни та, ни другая не составляютъ цѣлаго народа, а часть его.

Такимъ образомъ и народная поэзія Южанъ весьма много хорошаго можетъ сообщить Сѣверу, можетъ сообщить свою теплоту чувствъ, свою жизненность, свою драматургію. Обоюдный источникъ богатый, двадцати-милліонный! Какъ не порадоваться!

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

(Дума)

Не сиза Зозуленька въ шемномъ лѣсъ ковала,
Не дробная шпашка въ садку щебетала:
Сеспра о брата съдалека горевала,

Поклонъ посылала:
» Братику, мой милой,
Якъ голубонько сизый!

Приди до мене изъ чужой спороны,
Посыпи мене при лихой годинь! « —

Сеспро моя родненька,
Якъ голубонька сизенька,
Якъ я маю прибываши,
Тебе навѣщаши,
За шемными за лѣсами,
За дальними за шпепами,
За быспрыми за водами?

» Чрезъ темный лѣсъ яснымъ соколомъ лети,
Чрезъ быспрыя воды бѣлымъ лебедемъ плыви,
Чрезъ степы далекин перепелочкомъ бѣжи,
На моемъ, брата, надворьи пы гулубонькомъ пади,
Добре слово взговори,

Мое сердце сиропское взвесели!
Чужи, брата, сеспры зъ дому божего идушь,
Всѣ якъ пчолочки гудушь,

На хлѣбъ на соль людей закликаюшь,
Менежъ, брата, словомъ не займаюшь,
Мовъ, въ очи незнаюшь...

А якъ колись съ нами хлѣбъ-соль повожали,
Въ той частъ кумами, побратами звали;
А якъ приспигла несчастная година,
Названа и кровна опреклась родина.

ПРИМѢРЪ ЛЮБОВНОЙ НАИВНОСТИ.

А я люблю Пепруса,
Но сказаши боюся;
Ой бѣда не Пепрусъ,
Бѣле личко, чорный усъ.

Маши ся догадала
Що'мъ Пепруса кокала
Ой бѣда и проч.

Била мене мапуса,
Що я люблю Пепруса
Ой бѣда и проч.

Якъ не вижу Пепруса,
Такъ онъ въпру валюся
Ой бѣда и проч.

Наварила, напекла,
А для кого! для Пепра;
Нема Пепра, только Гриць.
Жаль мнѣ моихъ палениць!

и л и

Нема въ свѣпъ до окола,
Якъ мой миленькій Никола,
Красный съ очей, милый съ мовы,
А до шого чернобровый.
Бо на Миколѣ жовпы чоботы
Съ нимъ шо до панца, шо до работы.

Ой не скажу я николи
Шпо я жию для Миколы,
Бо онъ любый, бо онъ милый,
А до шого чернобривый.
Бо на Миколы и проч.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ.

Болниъ мене головонька,
Оченьками мружу;
Самъ не знаю, не видаю,
За кѣмъ сердцемъ шужу.

Ой лебоньшо ты, дѣвчино,
Той пучи причина,
Шпо адъ шебе не доходишь
Жадная новина.

Тамъ шо дѣвче! памъ шо брови!
Тамъ шо очи черны!
Тамъ шо личко румяное
И слова выборны!

Ой дѣвчино, дѣвчинонько,
Не задовой пути,
Не давай ся на подмову,
Якъ ты схоче другій.

Не жури ся мой милевкій,
Я ты не здражаю,
Ино только Бога прошу,
И шебе жидуаю.

и проч.

Какъ въ простой спашь не возможно по-
мѣспить многихъ пѣсень, по любопытныхъ я
опсылаю къ собраніямъ пакъ называемыхъ
Мало-Россійскихъ пѣсень, преимущественно къ
Изданію Г. Максимовича, отличяющемуся хоро-
шимъ выборомъ. По моему мнѣнію всякая Юж-
но-Русская пѣсня имѣеть что-либо или ориги-
нальное или наставительное. Есть пѣсни ни-
чѣмъ не уступающія, въ силѣ выраженія, луч-
шимъ романсамъ новѣйшаго иностраннаго пера.

Въ другихъ встрѣчается не рѣдко легкой *humor*, или ѣдкой сарказмъ. Полное собраніе Южно-Русскихъ пѣсень могло бы подашь поводъ къ весьма важному сочиненію, каковыхъ еще мало, и каковыхъ Русь въ правѣ ожидашь.

